

Часть 1

— Звезда в созвездии Ориона, скорее всего, закончит взрывом сверх...

Прежде чем вопрос прозвучал полностью, Узуки нажала на кнопку ответа, и ее место участника осветилось.

— Да, Зукки? — спросил известный ведущий викторины, ему было лет сорок с небольшим.

— Бетельгейзе! — ответила та с уверенностью.

Последовала короткая пауза, затем прозвучал сигнал, ответ был правильным.

— Полный вопрос звучал так: «Какая звезда в созвездии Ориона, скорее всего, закончит взрывом сверхновой?», — объяснила молодая женщина-диктор, работающая ассистентом ведущего программы.

— Что на тебя сегодня нашло, Зукки? — спросил ведущий, переигрывая удивление. Его глаза вылезли из орбит.

Узуки дала три правильных ответа подряд. Она была знаменита тем, что говорила самые странные вещи, так что шок ведущего, скорее всего, был неподдельным.

— Я в отличной форме в последнее время!

— Но это плохо скажется на шоу. Я боюсь за наши рейтинги!

— Я все исправлю! — радостно воскликнула она.

— Пожалуйста, не надо, — взмолился он.

Все это показывали по экрану телевизора.

«Надо мной тоже смеялись?»

Целых десять дней прошло с тех пор, как она задала этот вопрос.

Сегодня был понедельник, семнадцатое октября.

Сакута не был уверен, когда сняли это игровое шоу. Но поскольку они упомянули ее рекламный ролик, это, очевидно, случилось после выхода полной версии.

Не говоря уже о точной дате, новое поведение Узуки определенно помогло ей дать правильный ответ.

— Зукки, ты теперь собираешься стать настоящей певицей? — пошутил ведущий.

— Я уже стала! — сказала Узуки, разыгрывая толпу и вызывая громкий смех.

— Я тебя не узнаю! — Ведущий больше не играл, он искренне выглядел сбитым с толку. — Но, думаю, так тоже пойдет... Давайте продолжим!

Нодока также была на шоу, заставляя себя улыбаться. Камера на мгновение переключилась на нее, и Сакута уловил напряжение, которое она пыталась скрыть.

Он не мог быть точно уверен, что она чувствовала по поводу всего этого, но, несомненно, мысли у нее были — мысли об изменениях в Узуки.

Сакута наблюдал за происходящим в учительской в вечерней подготовительной школе.

Его уроки математики закончились, и он писал заметки о том, как продвигаются дела у Кенто Ямады и Юри Ёсивы, когда директор включил телевизор над диваном в задней части класса.

— Эта Хирокава Узуки довольно забавная, — сказал директор.

— Ага.

Игровое шоу было командным, и сторона Узуки победила. Розыгрыш бонуса в сто тысяч иен, к сожалению, завершился неудачей, и шоу закончилось.

— До встречи на следующей неделе! — крикнул ведущий, и двадцать с лишним участников помахали руками.

Пропустив это мимо ушей, Сакута закончил свой доклад.

Когда он снова взглянул на экран, начиналось новое шоу.

Неужели преобразование Узуки изменило все? Конечно, нет.

Сакута и весь мир в целом занимались своими делами. По крайней мере, последние десять дней прошли без происшествий.

Сама Узуки жила как обычно. Когда она не работала, то была в классе, присоединялась к своим подругам, вписывалась в их компанию и смеялась вместе с ними.

Сегодня у нее и Сакуты был урок испанского, и он не заметил в ней никаких явных изменений.

А после сказанного Рио о том, что все студенты вокруг них были одеты одинаково и вели себя одинаково, это казалось гораздо менее естественным. Если «Подростковый синдром» и вправду поразил всех студентов университета, то это было очень страшно.

Сакута был одет точно так же, как сидящий перед ним парень, так что, возможно, он попал в подобную ситуацию даже не осознавая этого. Неосознанно впитывая то, что все делали, и то, что считалось нормальным, он невольно позволил этому захватить себя.

— Ты все занятие смотрел на Узуки, — сказала Миори. — Блуждающее сердце?

— Что ты думаешь о Зукки сегодня? — Сакута решил, что вопрос не повредит.

— Она ведь выглядит вполне нормальной?

Вот и все, что он получил в ответ.

Он задал странный вопрос, так что заслужил этот взгляд.

Но ему было трудно поверить, что ничего не изменилось.

Узуки знала.

Она знала, что друзья думали о ней прежней.

Она знала, как мир воспринимал относительно успешного айдола.

И это должно было что-то изменить внутри нее. Но она продолжала заниматься своими делами, как будто ничего не случилось. Общалась с подружками из университета, которые насмехались над ней за ее спиной, обедала с ними, наслаждалась хорошо проведенным временем.

Сакуте было трудно представить это как счастливый сценарий.

Он не думал, что так будет долго продолжаться. Если бы они могли продолжать в том же духе без принуждения, тогда хорошо, но было ясно, что только благодаря стараниям Узуки все это держалось на плаву.

И чем больше она будет держать все в себе, тем сильнее будет взрыв.

Но знание этого не давало ему никакого способа остановить происходящее, поэтому последние десять дней он провел в раздумьях.

— Я ухожу, — сказал он, вставая.

— Увидимся на следующем занятии, учитель Азусагава.

— Увидимся.

Сакута пошел в раздевалку, на ходу снимая форму, после чего сунул ее в свой шкафчик и схватил рюкзак.

«Пора домой».

Здесь больше нечего было делать. Его беспокойство по поводу проблем Узуки ничего не изменили бы. Он мог лишь ждать, пока что-нибудь не случится, и сделать все, что в его силах, когда это произойдет.

Но, выходя из раздевалки, он столкнулся с Кенто.

— Йоу, учитель Сакута. Всего хорошего, — сказал он.

— Иди прямо домой.

— Не могу. Мне нужно заскочить в магазин и купить себе немного курицы.

Кенто был честен, если не сказать больше. Он даже не притормозил и уже стоял за дверью.

— До свидания, учитель.

На этот раз настала очередь Юри.

— Иди прямо домой, — повторил Сакута.

— Я так и сделаю, — сказала она, явно имея это в виду.

У двери она обернулась, поклонилась и вышла из здания.

Возможно, именно спортивная культура вбила в нее это, но она действительно заботилась о своих манерах, благодаря чему казалась взрослее, чем на самом деле. Она была полной противоположностью Кенто.

— Думаю, мне и самому пора идти.

Но если бы Сакута ушел сейчас, то, вероятно, столкнулся бы в лифте с обоими своими учениками. Это было бы неловко, поэтому он потратил минуту, бессмысленно разглядывая макеты экзаменационных тестов в виде плакатов на стене.

Потратив впустую достаточно времени, он спустился на лифте на первый этаж.

Он бросил взгляд на дорогу за офисным зданием, но Кенто и Юри уже давно ушли. Кенто нужно было купить курицу, а Юри, вероятно, сразу пошла домой, как и положено детям.

Он хотел избежать их, но столкнулся еще кое с кем, кого знал.

— О, сэмпай.

Томоэ.

— Кога, идешь с работы?

Ресторан, в котором она работала, находился на этой же улице. На ней была школьная форма — ее смена началась после уроков.

— Ты тоже? — спросила она, взглянув на вывеску «Вечерняя подготовительная школа».

— Ага.

Он пошел на станцию, и она пристроилась рядом.

— Случилось чего? — спросила она, хмуро глядя на него.

— А что-то должно было?

— Кое-что.

— Ты опять?

— ?

Томоз только моргнула, глядя на него.

— Забудь. Почему ты спрашиваешь?

— Обычно ты говоришь: «О, это ты, Кога», как будто ты не рад меня видеть.

— В самом деле? — спросил он, изображая непонимание.

Он определенно о чем-то думал, но Томоз всегда была такой проницательной.

— Поссорился с Сакурадзимой?

— На этом фронте все в порядке, не волнуйся.

— А я и не волновалась.

Они добрались до станции и, чтобы не стоять на светофоре, перешли по пешеходному мосту. Мост был большим и тянулся над всем автовокзалом. Его общая ширина составляла целых десять метров, так что это был не столько мост, сколько возвышенная площадь.

В одном из углов Сакута заметил парня, который играл на гитаре. Музыкант был того же возраста, где-то около двадцати лет.

Прислонившись спиной к перилам, он брэнчал на акустической гитаре. Сакута не узнал песни — может быть, тот парень написал ее сам. В футляре для гитары лежали компакт-диски, которые выглядели самодельными, — вероятно, на продажу.

Было уже больше девяти, но по этому району все еще ходило много людей. Одни шли с работы, а другие — с учебы. Все спешили домой, поэтому толпа двигалась быстро и слаженно.

Единственными, кто остановился послушать, были пара в форме старой школы Нодоки и две девочки в форме какой-то другой старшей школы.

Большинство людей даже не глядели в сторону музыканта, просто проходили мимо.

Все знали, что он был там. Сакута все еще стоял на дальней стороне моста, но слышал, как парень поет громко и чисто.

— Кога, — сказал Сакута, замедляя шаг, чтобы остановиться, и не сводя глаз с уличного музыканта.

— Что? — спросила Томоэ, остановившись секунду спустя. Она проследила за его взглядом.

— Что ты о нем думаешь?

— В смысле?

Сакута прислонился к перилам, и она, нахмурившись, посмотрела на него.

— Что ты хочешь услышать?

Она достаточно уловила его намек и выглядела недовольной.

— Твое искреннее мнение.

Томоэ ненадолго задумалась.

— Я думаю, он какой-то другой, — сказала она, тщательно подбирая слова.

— В каком смысле?

Это утверждение было неоднозначным.

Оно могло быть восхищением.

Или — унижением.

— В обоих смыслах, — ответила Томоэ, как будто ей не хотелось это признавать. Она определенно выглядела раздосадованной тем, что он вынудил ее такое сказать.

Она повернулась спиной к уличному музыканту и оперлась локтями о перила.

— У него есть цель и стремление работать ради нее — этим я восхищаюсь.

— Да.

Найти что-то, над чем стоит поработать, и осуществить задуманное — одного этого достаточно, чтобы удивить любого, кто просто плывет по жизни. Но свет, сиявший в них, вызывал и другого рода эмоции — тяжесть на сердце.

— Я восхищаюсь такими людьми, поэтому всегда отвожу взгляд, притворяясь, что не вижу их. Я проношусь мимо, едва ли даже осознавая, что делаю.

Взгляд Томоэ упал на задние фонари проезжающих внизу машин.

— Если бы я была тут с подругами, кто-нибудь наверняка сказал бы: «Я никогда не слышала этой песни», и мы бы все рассмеялись.

— Скорее всего.

Просто это то, что делает подавляющее большинство людей. Все проходящие мимо знали, что он там, но для них это ничего не значило. И все они думали: «Звучит не очень», или «Не могу разобрать слов», или «Как же стремно», или «Зачем обращать внимание?»

На прошлой неделе Сакута видел похожую сцену: Икуми Акаги искала новых волонтеров, а толпа игнорировала ее. Насколько он знал, лишь Узуки удосужилась взять брошюру.

— Хотя они все проходят мимо, если через несколько лет он станет знаменитым и появится на новогоднем конкурсе*, они будут хвастаться, что знали его, когда он был еще уличным музыкантом.

Так бы сказал Лаплас*.

[П/П: Возможно, речь о ежегодном музыкальном конкурсном шоу, которое проводится в предновогодний вечер.

Демон Лапласа — гипотетическое существо из мира физики, олицетворение детерминизма, которое знает положение и параметры всех частиц Вселенной в данный конкретный момент.]

Томоэ уже задумалась о будущем, которое могло и не наступить.

Но именно из-за этой ее черты Сакута и задал ей такой вопрос. Он полагал, что она даст ему ответ, который он искал, а она превзошла его ожидания.

— О, если говорить о знаменитых людях, которых мы знаем, то Сакурадзима побеждает с

большим отрывом.

Должно быть, тема разговора стала для нее слишком жизненной, поэтому она перевела все в шутку. Настроение мгновенно разрядилось.

— Ну, это же моя Май.

— Кто бы спорил.

В лучшем случае ее согласие было полусерьезным.

— Такой ответ ты хотел получить? — спросила она, снова меняя тему.

— Прямой ответ. Ты всегда на высоте, Кога.

— Не похоже на комплимент, — надула она щеки.

— Это он и есть. Поверь мне.

Ее подозрения только усилились: люди, которые говорят «поверь мне», почти никогда не заслуживают доверия.

Но в этот момент раздался озорной голос:

— Томоэ-сэмпай! — И кто-то обнял Томоэ.

— И-ик! — неподдельно удивленно взвизгнула она.

Несколько прохожих обернулись на шум. Девушка, обнявшая Томоэ, носила форму «Минехахары». Она была немного выше Томоэ, а ее волосы, завитые на концах, доходили до плеч.

Никто не был настолько бестактен, чтобы пялиться на двух обнимающихся школьниц, так что люди быстро разошлись по своим делам.

Лишь Сакута все еще смотрел.

— Химедзи? — воскликнула Томоэ, повернув голову.

Только тогда новоприбывшая отпустила ее:

— Я с курсов иду, а ты с работы?

Сакута тоже знал эту девушку. Она училась на первом году в «Минегахаре», еще в нее безответно влюбился Кенто. Сара Химедзи.

— Да, только что закончила.

Сара скосила глаза, посмотрев на Сакуту.

— О, она... — начала Томоэ.

— Сара Химедзи, — сказала Сара, прерывая ее.

— Как дела? — спросил Сакута, решив, что лучше всего притвориться, что он впервые ее видел. Попытка объяснять, откуда он ее знал, — стало бы той еще головной болью. Историю о романе между учителем и ученицей лучше было не упоминать. И Кенто тоже стоило об этом молчать.

— А это, э-э... — попыталась Томоэ представить его.

— Учитель Азусагава, верно? — спросила Сара, снова вклиниваясь.

— О, точно. Он работает в вашей школе.

Слово «учитель» облегчило Томоэ задачу.

— Ты не моя ученица, удивительно, что ты знаешь меня, — сказал Сакута.

Помимо него, довольно много учителей работало на полставки в той школе, так что большинство бы не запомнило имен каждого. В этом не было смысла.

— Я ищу репетитора по математике, — сказала Сара.

Все приобрело смысл. Особенно с учетом того, что именно поэтому он узнал ее имя.

— У меня есть одноклассник по имени Ямада, вы знаете его?

— Да, он мой ученик.

— Он сказал, что вы очень хороший учитель. Вот я и подумала, что вы мне подходите.

Сара улыбнулась ему, в ее глазах блеснул огонек. При необходимости она могла быть серьезной, но наверняка обладала и чувством юмора.

— Не знал, что Ямада столь высокого мнения обо мне.

Возможно, Кенто думал, что если он порекомендует Сакуту, то сможет посещать занятия вместе с Сарой. Это казалось вероятным. Но это была не столько хитрая уловка, сколько отчаяние.

— Ну так что вы думаете? — спросила она.

Она смотрела ему прямо в глаза. Словно ей однажды сказали, что во время разговора нельзя отводить взгляд от собеседника, и она следовала этому правилу до сих пор.

— Если ты хочешь лучше понимать математику, то, думаю, учитель Футаба больше тебе подходит. В основном она ведет физику, но может и математику. Если же ты просто хочешь сдать экзамен, то тогда стоит выбрать меня.

Его объективная оценка вызвала у нее смешок.

— Учитель Азусагава довольно забавный, да? — улыбнулась Сара, взглянув на Томоэ.

— Возможно, но в основном он просто чудаков.

Томоэ поступила нехорошо.

— Кога, ты вредишь моему бизнесу.

— Ты плохо продаешь себя.

Это было почти прямое нападение. Сакута предполагал, что он правильно себя описал. Многие студенты больше заботились о результатах тестов, чем о понимании предмета! По крайней мере, он так считал.

Сара перевела взгляд с Сакуты на Томоэ, а затем сказала:

— Извините, что побеспокоила! Мне пора.

— А? Ох, подожди!.. — попыталась Томоз остановить ее, но та уже убежала. — Ты вовсе не мешаешь!

Этот отчаянный крик так и не дошел до Сары, та уже затерялась в толпе.

— Тяжелый удар, Томоз-сэмпай.

Она одарила его самым свирепым взглядом.

— Если увидишь Химедзи на работе, обязательно разреши это недоразумение, учитель Азусагава.

— Если не забуду.

— Тебе же лучше!

— Тем не менее ты ей очень нравишься.

— Мы обе были в комитете спортивного фестиваля. Так что...

— Хм-м.

— И к чему это?

— Похоже, ты от нее не в восторге.

Томоз определенно казалась менее доброжелательной. Не было той теплоты, которая чувствовалась в отношениях с ее подругой Наной Йонеймой.

— Она мне не нравится. Но, типа, я переделала себя для старшей школы, так?

Ее уверенность таяла.

— А она, похоже, была на высоте в средней школе? — спросил он.

Возможно, даже раньше. Одна из тех девочек, которые всегда находились в центре внимания класса еще в средней школе. У него сложилось такое же впечатление.

— Пока я была полной дурой.

Нахмурившись, она продолжила идти. Уличный музыкант убрал свою гитару, видимо закончив на сегодня.

Сакута бросил на него взгляд, а затем последовал за Томоэ.

— Сэмпай, ты действительно хороший учитель?

— Я весь прошлый год учился как проклятый. Теперь имею вот такие дивиденды.

— Ты занимался даже на перерывах на работе.

— О да, Кога, ты уже знаешь, куда поступишь?

Она что-то говорила о женском университете, куда принимают с рекомендательным письмом.

— Мне удалось получить рекомендательное письмо. Я подала заявление на прошлой неделе.

— Поздравляю.

— Я еще не поступила.

— Получить рекомендацию — это практически гарантия.

— Я тоже об этом слышала, но никогда не знаешь наверняка.

— Результаты объявят в конце ноября?

— Откуда ты знаешь?

Это просто входило в обязанности учителя. В текущем году его ученики не сдавали экзамены, но он слышал много разговоров об этом и собирал информацию.

— Я жду подарков, когда поступлю.

— И каких же?

— Подожди, ты действительно подаришь мне что-то? Тогда я знаю, что именно хочу.

— Что?

— Наушники из рекламы Зукки.

Они проходили мимо магазина электроники у северного выхода станции. Томоз посмотрела на вход в него, словно Сакута должен был купить их здесь. Если бы он и купил наушники, то выбрал бы это место. Почти все электроника в его доме была отсюда.

— Они недешевые.

Это были новейшие беспроводные наушники.

— Около двадцати тысяч?

— Еще хуже, чем я думал.

— Так ты все компенсируешь.

— Что компенсирую?

— Годы сексуальных домогательств.

Возможно, она была права.

— Если так я очищу карму, то, может, оно того стоит.

— Черт, надо было попросить что-нибудь подороже.

— Дай отделаться наушниками.

— Ты серьезно?

Он прекрасно знал, что она шутила.

— Ты очень помогла Каэдэ.

Каэдэ уже научилась обслуживать столики, но поначалу у нее получалось, лишь когда их с Сакутой смены совпадали. В остальное время с ней старалась оказаться Томоз. Так девушки и сблизились.

— Думаю, я не удивлен, что ты знаешь Зукки, — сказал он.

— Каэдэ мне всегда о ней рассказывала. Как она была мила, как весело проходили ее выступления. Сейчас я даже слышу ее имя в школе.

— Хм-м.

Это показывало, как много шума поднялось.

— Вы учитесь в одном университете?

Сложный вопрос.

— У нас одна специальность, так что, думаю, мы друзья.

Он определенно так считал.

— Ты знаешь много симпатичных девушек, — сказала Томоэ, закатив глаза.

— Ты одна из них.

— Я не это имела в виду!

Сакуте показалось, что он уже говорил подобное кому-то. Миори? Возможно.

— Я пошла!

Томоэ устремилась вниз по лестнице, кипя от злости.

— Я провожу тебя.

Они шли тем же путем, пока не перешли мост.

Она ворчала на Сакуту еще несколько минут, а когда перестала, засыпала его вопросами об учебе.

«В университете весело?»

«А как развлекаются?»

«Были проблемы с друзьями?»

Вопросы закончились, когда Сакута проводил ее до дома, после чего он пошел домой.

Часть 2

На следующий день Сакута вышел из дома, чтобы пойти в университет, и застал у выхода Нодоку. Козырек ее кепки был низко опущен, как и взгляд. Она спиной уперлась в стену. Когда она увидела его, выходящим из лифта, ее глаза так и говорили: «Ну наконец-то!».

— Ты без Май? — спросил он, подходя ближе.

— Она задержалась на съемках, поэтому переночевала в отеле и поедет прямо на занятия.

Казалось, у нее было необычно подавленное настроение.

— Я знаю, она звонила прошлой ночью.

В основном они говорили о планах на субботу. У Май выдался редкий выходной, и она предложила им сходить куда-нибудь вместе. Но у Сакуты была смена в ресторане до трех, и он не мог освободиться пораньше. В конце концов они договорились встретиться у станции «Фудзисава», после того как его смена закончится. Май упомянула фильм, который хочет посмотреть. Скорее всего, они пойдут в кинотеатр «Цуджидо», находящийся на одну станцию дальше.

— Нечего спрашивать, если и так знаешь.

Нодока выглядела необычайно подавленной, и казалось, что она еле стоит на ногах.

Было чуть больше девяти. В десять тридцать начинались занятия.

Сакута не знал, чего от него хотела Нодока, и не собирался опаздывать на поезд, поэтому продолжил путь. Она подстраивалась под его темп.

Дорога до станции «Фудзисава» занимала десять минут ходьбы. В это время люди уже были на своих работах и на учебе, поэтому не нужно было проталкиваться через толпу.

Проходя мимо жилого многоквартирного дома, они миновали парк, где он однажды обменялся пинками под зад со старшеклассницей. Начался пологий спуск.

Сначала Нодока почти ничего не говорила, но на полпути вниз по склону она выпалила:

— Я хочу попросить тебя об одолжении, Сакута.

— Если это касается Май, то я согласен. Мы вместе создадим счастливый дом.

— Я прошу не об этом.

Даже сейчас не было ее обычной искры.

— Тогда что? Зукки?

— ...

Его резкий поворот на мгновение лишил ее дара речи, но она достаточно быстро пришла в себя.

— Да. Это из-за Узуки, — призналась она. — Вчера мы репетировали танец.

В этом случае мы были «Сладкой пулей».

— И что?

— Все остальные были заняты другой работой, так что на репетицию пришли только я и Узуки.
— Она замолчала, как будто ее осенило. — Я говорила, что в эти выходные у нас будет пара концертов?

— Мне рассказала Каэдэ.

В субботу пройдет совместный концерт с другими айдол-группами, а в воскресенье на острове Хаккей состоится музыкальное мероприятие под открытым небом.

Каэдэ хотела пойти и туда, и туда, но Котоми Кано не могла, поэтому Каэдэ передумала. Они решили посетить воскресное мероприятие, отчего сестра Сакуты была в восторге.

— Я знаю, что уже не раз это говорила, но, если она мне позвонит, я достану ей билеты.

— Каэдэ — фанатка Зукки. Ей не хочется говорить это тебе.

— Обидно.

Судя по ее взгляду, она винила его.

— Так что произошло на репетиции? — спросил он, не обращая на это внимания.

Нодока не выглядела довольной, но вернулась к сути:

— Учитель танцев разозлился на нее. Такого никогда не случалось.

— Почему?

— Она не была собрана, словно витала в облаках.

— И?..

— Поэтому я забеспокоилась и спросила, все ли у нее в порядке.

— И что?..

— Она отмахнулась от меня фальшивой улыбкой и сказала: «Все хорошо, извини. Получила нагоняй!»

Голос Нодоки был спокойным, что только подчеркивало всю серьезность ситуации.

— Ого, это серьезно.

— Ага. Узуки всегда всем делилась.

Вторую часть фразы Нодока произнесла шепотом, словно он не должен был ее услышать. Она шла с задумчивым видом.

— И из-за этого ты впала в уныние.

Она была не в себе с тех пор, как они встретились. Очевидно, причина заключалась в этом.

— Я не знаю, что с ней происходит.

— А раньше всегда знала?

Это было само по себе достижением.

— Ну, нет, но я не это имела в виду...

— Я знаю.

Раньше ее непредсказуемое поведение приводило всех в замешательство. Но теперь она сознательно скрывала свои чувства. Неопределенность того, о чем она думала и испытывала, стало кардинально другим.

— В Интернете пишут, что она скоро покинет «Сладкую пулю».

— Да?

Он впервые слышал об этом.

Они остановились на красный свет. Нодока достала из сумочки телефон, несколько раз постучала по экрану и показала Сакуте.

Там был сайт с новостями об айдолах.

Источники не указали, но там были статьи с заголовками «Уход Хирокавы Узуки не за горами?!», «Сольный дебют Зукки приближается!».

— Этот рекламный ролик, несомненно, поднял шум в офисе. Я спросила главного менеджера, и мне велели сосредоточиться на нашем следующем концерте, ха.

— Как будто признают, что есть вещи, о которых они не могут говорить.

— Ага.

— И ты связываешь это с ее поведением на репетиции.

Узуки словно думала о другом. Но о чем? Об уходе из группы? О сольном дебюте? Или о чем-то еще?

Нодока мрачно смотрела на красный свет. Она не могла думать ни о чем, кроме возможного ухода Узуки. Но причиной ее грусти, скорее всего, было то, что Узуки не доверяла ей.

Правдивы слухи или нет — неважно. Если бы Узуки сама рассказала ей, то Нодока бы смирилась. В душе она желала подруге только лучшего. Но вместо этого Узуки лишь фальшиво улыбнулась, из-за чего Нодока осталась одна со своей растерянностью и без возможности узнать правду.

— Так чего же ты хочешь от меня?

— Если Узуки в беде, помоги ей.

Нодока просто выложила все начистоту, совершенно не стесняясь в выражениях.

— И это все?

— Я имею в виду, если ты можешь вытянуть из нее что-нибудь, то сделай это.

— Я должен допросить ее?

— Боже, нет.

Она выглядела взбешенной. Ее глаза словно говорили: «Не испытывай судьбу». Если Сакута продолжит шутить, его ударят. Он не видел смысла и дальше провоцировать ее, он понял намек.

Загорелся зеленый, и он отвернулся от ее пугающего взгляда.

— Ты вообще слушаешь?

— Я сделаю все, что в моих силах. Но я не могу сделать то, чего не могу, так что не надейся

— Мм. Спасибо.

Казалось, это сняло груз с ее плеч. Она выглядела гораздо менее напряженной.

На станции «Фудзисава» они пересели на линию «Токайдо» и вышли на станции «Йокогама». Поезд был довольно полным даже в такой час.

Из-за этого Сакута и Нодока почти не разговаривали и занимались своими делами.

Пересев на линию «Кэйкю», они почувствовали скорое окончание пути, и обстановка стала гораздо спокойнее.

Экспресс до «Мисакигути» мчался, минуя большинство станций.

Сакута и Нодока держались за поручни, пока их трясло, и обсуждали университетский фестиваль, который будет проводиться в следующем месяце. Видимо, в его программу включили и конкурс красоты.

— С Май конкурс превратится в самый настоящий ад...

— Парни могут участвовать по рекомендации. Тебя записать?

— Я не хочу стать еще популярнее, так что я пас.

Поезд подъехал к станции «Канадзава-Хаккей».

Двери открылись, и он вышел вслед за Нодокой.

В этот момент ему показалось, что краем глаза он заметил чью-то спину.

Он мельком взглянул через двери между вагонами.

В вагоне впереди, сбоку от открытых дверей, стояла Узуки.

Он видел ее лицо, отраженное в стекле.

Прозвенел сигнал, оповещающий об отправлении поезда.

Прежде чем двери закрылись, он запрыгнул обратно.

— Сакута?.. — окликнула Нодока, крутанувшись на месте. Она казалась удивленной и растерянной.

Но двери закрылись прежде, чем он успел объяснить. Он просто указал на вагон впереди.

Выглядев еще более растерянной, она посмотрела туда, куда он показал. Но он не успел узнать, увидела ли она Узуки, потому что поезд тронулся, и Нодока осталась позади.

Смартфоны, конечно, помогали в такие моменты, но у Сакуты не было его.

Не имея возможности связаться с ней, он сдался и уселся на свободное место.

Он взглянул на карту над дверью: экспресс останавливался на станции «Оппама», затем — на «Сиири» и «Йокосука-чуо», а после — на «Хориноути» и сворачивал на линию «Курихама». На этой линии он останавливался на каждой станции до конца маршрута.

Куда ехала Узуки?

Она все еще стояла, прислоняясь к двери и безучастно наблюдая за проплывающими мимо пейзажами. Непохоже, что она просто пропустила свою остановку.

Узуки не вышла ни на одной станции по пути.

Через полчаса после поворота с «Канадзава-хаккей» они добрались до конечной станции «Мисакигути».

Сакута подумывал встать и заговорить с ней, но ему хотелось посмотреть, что она задумала, и он решил оставить ее наедине с собой.

Двери открылись, и несколько оставшихся пассажиров вышли из вагона. Мужчина напротив него взял рыболовные снасти с полки, перекинул через плечо термосумку и сказал:

— Отлично!

Даже когда поезд опустел, Узуки не сдвинулась с места.

Собиралась ли она ехать на нем обратно в университет?

Но потом она, похоже, поняла, что это конец линии, огляделась и вышла... как будто ей совершенно нечего делать.

Сакута последовал за ней.

Она шла примерно в пяти метрах впереди от него.

Следовать за ней дальше было плохой идеей. Объективно говоря, он следил за студенткой-айдаолом. Поэтому он решил окликнуть ее.

— Прогуливаешь, Зукки?

Ее плечи вздрогнули. Затем она медленно обернулась нахмурившись. Увидев Сакуту, она удивленно моргнула, но не спросила, почему он здесь. Возможно, она и сама догадывалась, а может, ей просто было все равно.

— У меня настроение... найти себя, — сказала Узуки, как будто в шутку. Но это не было похоже на шутку.

— Ты делаешь это на «Мисакигути»?

— Не знаю. А что здесь есть вообще?

— Думаю, у них есть тунец.

Он взглянул на вывеску станции. Здесь так налегали на тунца, что даже сделали вывеску с надписью «Мисаки Магуро».

— Ну что ж, я изрядно проголодался. Хочешь поесть тунца и подумать?

Было уже одиннадцать. Немного рановато, но почти время обеда.

Часть 3

Через полтора часа после того, как они сошли с поезда на «Мисакигути», Сакута обнаружил, что повсюду следует за задницей Узуки — за подтянутой и обтянутой эластичными, узкими брюками задницей Точнее, ее задница была на сиденье велосипеда, педали которого она крутила, а он следовал за ней на другом велосипеде.

Они занимались этим уже полчаса.

Как все могло пойти настолько неправильно?

Когда они вышли со станции, все было нормально.

Они наткнулись на кольцевую развязку. Осеннее небо было голубым. Высоких зданий не было. Все казалось просторным.

Этот вид обещал расслабляющий отдых от повседневной суеты.

Поиск тунца, за которым они охотились, не занял много времени. На кольцевой развязке развевались флаги с надписью «Магуро».

Это было заведение, где днем подавали еду, а ночью — выпивку.

Оно было небольшим, но уютным.

Сакута и Узуки заказали миску с трехцветным тунцом. Аками большеглазого тунца, оторо южного голубого тунца и негиторо из тихоокеанского голубого тунца. Все было выложено поверх риса в причудливой форме.

Это блюдо с мисо и гарниром обошлось в тысячу триста иен, что стоило недорого. Учитывая, что гавань Мисаки находилось рядом, блюдо было настолько же свежим, насколько и доступным.

Сакуте хватило бы сытого желудка, и он бы пошел домой, но, к сожалению, Узуки не нашла себя в тарелке с тунцом, поэтому поиски продолжились.

Они расплатились и вышли.

— И что теперь?

Он понял, что у нее нет плана, поэтому не ждал ответа.

— Давай возьмем напрокат велосипеды! — воскликнула Узуки.

— Где?

— В киоске туристического гида у выхода со станции.

Она не сводила с него глаз, пока он смотрел на небо.

Они вернулись на другую сторону улицы, и тут на двери туристического киоска стал виден знак проката велосипедов.

— Без велосипеда ты не найдешь себя.

— Не думаю, что они пользуются спросом.

Проигнорировав его, она открыла дверь и крикнула:

— Прошу прощения!

Работник, сидевший внутри, был очень мил и быстро оформил все бумаги, даже посоветовал хороший маршрут. Еще он дал карту велодорожек этой местности Миуры.

С тех пор они крутили педали уже полчаса. Возможно, целый час.

Сначала пейзаж состоял из машин, домов и складов. Теперь справа и слева раскинулись поля.

Людей нигде не было.

Кроме случайного фермера, работающего на этих полях, они не увидели ни души.

— Что это за листья? — спросила Узуки.

— Дайкон. Дайкон Миура.

Редьки еще росли, поэтому из почвы торчали только зеленые листья. Если присмотреться, можно было увидеть белую головку корнеплода.

— Ты так много знаешь!

— В начальной школе мы ездили на экскурсию на поле дайконов.

Он не ожидал, что эти знания пригодятся здесь.

— Итак, Зукки...

— Что?

— Как далеко мы собрались ехать?

— Не знаю!

Ее слова прозвучали беззаботно.

— В какую сторону мы едем?

— В сторону моря!

Достаточно просто.

— А что случилось с картой?

— Гид сказал не смотреть, пока мы едем!

— И в самом деле...

Ничто из того, что говорил Сакута, не доходило до Узуки. Но сегодня она больше напоминала ту, которую он знал, и это, как ни странно, успокаивало.

Даже если они заблудятся, в ее телефоне был GPS, так что им удастся найти дорогу обратно. Они проделали долгий путь, поэтому Сакута немного беспокоился, не устанут ли они. Однако они ехали на электровелосипедах, так что ехать в гору было не так уж и тяжело. Даже довольно освежающе.

— Как здорово! — воскликнула Узуки.

Она была права. Их импровизированная велосипедная прогулка по полуострову Миура оказалась на удивление приятной. Дул освежающий ветерок, небо было ясным, а воздух — сухим.

А дорога через поля дайконов принадлежала лишь им.

— Нодока*, да?

[П/П: Значение имени Нодока — спокойная, тихая, мирная.]

— А как же Тоёхама?

— Только не она! Значение ее имени! Спокойная!

Узуки разразилась смехом, который донес до него осенний ветер.

— Мне вот интересно...

— Мм?

— Почему ты выбрала эту специальность, Зукки?

Он уже давно хотел спросить об этом, но все не представлялось подходящего случая.

Вариантов было много. Она могла бы, как и Нодока, выбрать гуманитарный факультет, или, как Миори, — международный менеджмент.

— Почему ты выбрал статистику, Сакута?

Она перевела вопрос обратно на него.

— Мне показалось, что туда проще всего поступить.

— Тогда я тоже!

— Да ладно!

— Ты врешь, поэтому я не скажу.

Она снова громко рассмеялась. Судя по ее поведению и энтузиазму, это определенно была прежняя Узуки, но она все еще видела Сакуту насквозь. Она точно знала, что он чувствует и что скрывается за его словами.

— Я не лгал!

— Но это и не правда.

— ...

Она поймала его.

— О, море!

Она энергично замахала рукой, указывая вперед и продолжая другой держать руль.

— Осторожно. Смотри на дорогу! — предупредил он.

Узуки сбросила скорость и остановилась.

Они поднялись на вершину длинного пологого склона.

Сакута остановился рядом с ней и опустил подножку.

— Давай передохнем, — предложила Узуки, потягиваясь.

Должно быть, от долгой поездки она чувствовала скованность в теле. Она начала выполнять упражнения, которые, очевидно, делала всегда. Когда она наклонилась вперед и коснулась руками обуви, ее лоб прижался к коленям. Затем Узуки выпрямилась, сделала наклоны вбок, прогнулась назад, выполнила выпады в сторону и даже поочередно стоя прижала ноги к голове.

Из-за того, что Узуки носила узкие брюки, пофантазировать особо не получалось. Однако ее фигура была настолько здоровой, что дурные мысли не возникали. Да и окружение не сочеталось с таким настроением.

Студентка-айдол разминается на фоне моря, неба и полей дайконов.

Не каждый день такое увидишь. Сакута сделал глоток чая из бутылки, купленной в автомате по дороге. Он искал марку, в рекламе которой снималась Май, но такого там не было, и ему пришлось смириться.

— Можно мне сделать глоток?

— Это будет не прямой поцелуй, — поддел он, протягивая бутылку.

Узуки отдернула руки.

— Тогда я перебьюсь.

Она купила воду в том же автомате и сделала несколько глотков.

Пока он наблюдал за ней, она спросила:

— Это Нодока тебе внушила эти идеи?

Она не смотрела на него.

— Мм? — промычал он, как будто не понимая, что она имеет в виду.

Узуки слабо улыбнулась. Словно она предвидела этот ответ. Ее взгляд был прикован к дороге через поля дайконов, к морю под далекими небесами.

Мимо пронесся ветер.

Закачались листья дайконов.

По небу плыли тонкие облака.

Прошло мгновение, почти беззвучное.

— Сакута.

— Мм? — хмыкнул он, потягиваясь.

— Как ты думаешь, до какого возраста популярны айдолы?

— Ты можешь заниматься этим всю жизнь.

Он закрутил крышку на бутылке.

— Я когда-то тоже так говорила.

— Но не сейчас?

— Не знаю.

Она слабо улыбнулась, ее глаза не отрывались от воды.

— Когда это было?

— Одна подруга из университета кое-что сказала.

— Что?

— «Как долго ты собираешься изображать айдола?»

— И это заставило тебя задуматься?

— Не-а. Я подумала о другом.

— И о чем же?

— Если ты поссорилась со своим парнем, не надо вымещать злость на мне.

— Жестоко.

Это было настолько грубо, что он рассмеялся. Прежняя Узуки определенно подобного бы не сказала: она бы не уловила агрессии.

— Люди не говорят так, но всегда так думают, верно?

Смотрят на айдов свысока.

— Каждый хочет что-то представлять из себя, — рассеянно произнес Сакута, не отрывая глаз от моря.

— В смысле?

— Что-то, чем они могут похвастаться.

— Это обо мне!

— ...

— Хирокава, в твоём случае это пение. Вся айдовская фигня.

И люди восхищаются этим.

Это то, чем можно похвастаться.

Каждый хочет иметь нечто подобное.

— ...

Узуки не ответила. Просто смотрела на воду прислушиваясь.

— Но они ещё ничего из себя не представляют. Поэтому, когда они видят тебя по телевизору, воплощающую мечту об айдове... что ж, это просто ослепительно.

Им не хватает сил и смелости признаться в этом самом себе. Иногда это переходит в раздражение, и они начинают насмехаться: «Как долго ты собираешься заниматься этой ерундой?» И всё это приводит к чистой, мстительной злобе, потому что они понимают, что у них нет ничего своего.

Стандартный инстинкт самозащиты.

— Что ж, моя подруга действительно права, — сказала Узуки, отмахнувшись от слов Сакуты. Она улыбнулась пустому пейзажу. — Ты не можешь вечно быть кумиром.

— Хм.

— Хм? Разве это не тот случай, когда ты должен утверждать, что я смогу?

— Тебя нужно подбадривать?

— Если бы ты ляпнул что-нибудь в этом духе, я бы по-настоящему разозлилась.

— Тогда мне придется пойти на это.

— Почему?

— Потому что, если ты разозлишься, может быть, ты, наконец, начнешь говорить то, что думаешь.

Как это случилось с той подругой.

— Ты можешь быть настоящим негодником...

— Не то чтобы.

— Ты хорошо умеешь притворяться, что это так, и заставлять людей выбалтывать всякую чушь.

— Например?..

— Например, то, что мы далеко от «Будокана».

Она сказала это так, словно обращалась не к нему. Как будто это были даже не ее собственные слова. Ветер подхватил ее голос и унес его прочь. Но это было похоже на самую правдивую вещь, которую она когда-либо говорила.

Она только позволила себе выразить это таким отстраненным тоном, но не смогла скрыть горечь, стоящую за словами.

И осознание того, откуда это взялось, поставило все на свои места. Сакута понял, почему Узуки нужно было отправиться на поиски себя.

Она не думала, что они смогут это сделать.

Не думала, что они туда доберутся.

Не думала, что у них это получится.

Не думала, что тяжелая работа ее товарищей когда-нибудь воплотит их мечты в реальность.

Она думала, что они обречены на провал. И осознание того, что она мыслила именно так, осенило ее.

Значит, она отправилась на поиски чего-то. Чего угодно, лишь бы отвлечься от правды.

— Зукки, дай свой телефон.

— Зачем? — спросила она, но все же отдала его.

Он открыл карту поездов. Искал очевидное.

— На самом деле это довольно близко. Всего в двух часах езды от станции «Мисакигути».

— Что?

— Как «что»?.. «Будокан».

— ...

Узуки напряглась по-настоящему, как будто отвергала саму идею всем телом.

Но это продолжалось недолго.

Она выдавила неловкую улыбку.

— Я знала, что ты негодник...

Сакута вернул телефон и снова сел на свой велосипед. Он крепко вцепился в руль, демонстрируя готовность.

— Вся эта велопрогулка веселая, но ты не здесь себя потеряла, Зукки.

— Ты уверен?

Ее слова прозвучали неубедительно, но она все равно села обратно на велосипед.

— И все же... Сакута!

— Мм?

— Сначала мы должны вернуться на станцию.

К сожалению, ни один из них не знал, в какую сторону ехать. Это была довольно сложная задача.

Часть 4

— Ладно, это было далеко.

Вот он, «Будокан».

Путь занял целых три часа, и в бормотании Сакуты сквозила досада. От долгого путешествия у него все болело. Тело кричало от боли. В основном от того, что он крутил педали. Возвращение на станцию отняло у него больше сил, чем ожидалось.

— Я же говорила, — поморщилась Узуки, устраиваясь рядом. Благодаря тяжелым занятиям по танцам у нее было отличное физическое состояние, она не выглядела ни капельки уставшей.

В свете уличных фонарей она казалась готовой к новому раунду.

Уже давно наступила осень, и после шести небо темнело.

В тусклом свете уличных фонарей «Будокан» выглядел внушительно.

На открытой площадке перед входом ветер шелестел разноцветными листьями.

Казалось, воздух здесь был очень чистым.

Почти как в святилище. В равной степени спокойный и мрачный.

Казалось, сегодня здесь ничего не происходило, и вокруг было тихо.

Несколько человек пересекали площадь, но только Сакута и Узуки остановились, чтобы

посмотреть на здание.

— Что ты думаешь?

— ...

Узуки сцепила руки за спиной, уставившись на воплощение своей мечты. Некоторое время она стояла молча, только изредка моргала. Глядя на ее профиль, Сакута не мог понять, о чем она думает. Поэтому он ничего не сказал и ждал, когда она заговорит.

— Сакута.

— Мм?

— Ты знаешь, сколько айдол-групп выступает на этой сцене каждый год?

— Не-а.

Он не только не знал, но ему и в голову не приходило интересоваться. В лучшем случае у него было смутное впечатление, что многие айдолы или музыканты ставят перед собой такую цель. Хотя само название говорило о том, что это место в первую очередь не было концертной площадкой.

— В год здесь дебютируют не больше пяти групп. В некоторые годы даже ни одной.

— А...

Это число не имело для него никакого значения, так или иначе. Но по тому, как она подбирала слова, он мог сказать, что только избранным позволялось стоять на этой сцене.

— А в Японии сейчас тысячи айдол-групп.

Она говорила так, словно это был просто какой-то не имеющий отношения к делу маленький, забавный факт.

— Хотя я не знаю, все ли из них всерьез пытаются попасть сюда.

Но пять из тысячи — это, конечно, немного. Очевидно, что крайне маленькое число.

— И на каком месте в рейтинге вы, Зукки?

— «Сладкая пуля» сейчас где-то в тридцатке.

— Звучит неплохо.

Он и вправду впечатлился.

— Не совсем, — покачала головой Узуки.

— Да?

Даже если это было недостаточно хорошо, чтобы обеспечить им место на сцене, Сакута подумал, что «тридцатка» звучала как признак большого потенциала. Но Узуки, похоже, считала наоборот.

— Нас показывают по телевизору, знают в лицо, замечают на улицах, но наш предел — это залы на две тысячи мест.

Узуки посмотрела на «Будокан».

— Сколько здесь мест? — спросил он.

— Десять тысяч.

Она не придавала значения этому числу. Это была просто констатация факта.

Десять тысяч минус две тысячи равно восемь тысяч.

Сакуте не знал, насколько велика пропасть в восемь тысяч фанатов. Но ему было известно нечто, что было гораздо важнее.

— Но ты знала это с самого начала?

— Да, знала... Я знала это, когда мы поставили перед собой такую цель. Но я забыла об этом по пути.

Ее взгляд упал на землю в нескольких метрах от них.

— Это действительно то место, куда я хотела попасть?

— ...

Сакуты не знал ответа на этот вопрос. Лишь она знала, и решить она должна была сама.

— Раньше я никогда не беспокоилась о таких вещах.

— Хочешь вернуться к временам, когда ты не умела чувствовать атмосферу?

Он спросил, но Узуки не отреагировала. Она просто опустила голову и покачала ею.

Это был ясный знак, как и любой другой.

Она прекрасно понимала, что она изменилась.

Сакута не знал, когда она это осознала. У него не было точной даты и времени. Но сейчас она явно осознавала.

— Я рада, что научилась. Я имею в виду, что я, наконец-то, понимаю твой сарказм.

Благодаря тому, что она чувствовала атмосферу, она отпускала такие шутки.

— И ты можешь сказать, когда твои друзья ехидничают.

— Видишь, вот о чем я говорю! — засмеялась она. — Ты такой злюка!

— Что ж, я должен оправдать свою репутацию неисправимого задиры.

Она поморщилась.

— Теперь я знаю, что на самом деле имеют в виду мои подруги в университете, когда называют меня потрясающей. Многое из того, что мне говорили, приобрело новый смысл.

Узуки подняла голову, вглядываясь вдаль. «Будокан» все еще был перед ней, но ей казалось, что она смотрит сквозь него. Или, может быть, вообще ни на что не смотрит.

— Я словно слышу в своей голове всю чушь, что несут люди. А когда я вслушиваюсь к ним, то перестаю понимать, кто я.

Она улыбнулась, словно смеялась над собой. Это было то, чего прежняя Узуки никогда не

делала.

— ...

Когда Сакута ничего не сказал в ответ, ее улыбка погасла.

— Извини, — проговорила она. — Что я вообще несу, да?

Теперь она пыталась отшутиться от того, что только что сказала.

— Я тебя понимаю, — ответил он, не позволяя ей вывернуться.

— ...

— Я понимаю, о чем ты говоришь.

— В самом деле?

Она казалась неубежденной и слегка озадаченной.

— Знание того, что чувствуют другие люди, меняет то, что чувствуешь ты.

То же случилось с Сакутой.

Когда из-за него заплакала его любимая Май, это по-настоящему задело его.

Когда он понял, что происходит в голове Сёко, он едва мог это вынести.

И, по его мнению, обе эти эмоции были, несомненно, искренними.

Неважно, сколько мыслей он вложил в ответ, одно мгновение могло все изменить.

Общение с другими людьми изменило его.

Контакт с другими людьми позволил ему открыть новые стороны себя.

— «Я» не так определенно, как ты думаешь. Никто на самом деле не знает, кто он.

— Может быть, ты и прав.

В наши дни чувства и настроения других людей без разбора проносятся по экранам телефонов. Даже если не искать этого, перегрузка информацией везде. Есть бесконечное множество факторов, влияющих на людей.

Возможно, вы не захотите этого знать. Возможно, вы не захотите этого видеть. Но как только вы узнаете, как только увидите — станет слишком поздно.

Вы не сможете вернуться к незнанию.

Это знание создает нового вас.

И вы должны жить с самим собой.

Совершенно неожиданно Узуки научилась чувствовать атмосферу. Огромное количество информации и чувств людей затопили ее чувства. Раньше она никогда не понимала ехидных замечаний своих подруг, но теперь все стало слишком ясно. Она поняла разницу между тем, что люди говорят, и тем, что они думают, между тем, что они показывают, и тем, что скрывается внутри. И мир, основанный на этих несоответствиях, вряд ли был привлекательным.

Но она все равно сказала, что рада этой перемене. И, отмечая разницу между собственным внутренним и внешним «я», она улыбнулась.

— Думаешь, это «Подростковый синдром»? — спросила она, в упор глядя на него.

Вопрос застал Сакуту врасплох, но ему не нужно было искать ответ.

— Возможно.

— Если это вылечится, я вернусь?

— Возможно.

— Тогда будет неприятно.

Сакута понял, почему она так сказала.

«Надо мной тоже смеялись?»

Одной этой фразой было сказано все.

Она не хотела снова не понимать, когда люди смеются над ней. Вот почему она продолжила проводить время со своими подругами, наслаждаясь разговорами и обедая с ними. Это была нормальная жизнь, которую она обрела, научившись читать между строк. Но она также начала сомневаться в себе, и именно поэтому сегодня прогуляла занятия.

— Какая из двух «я» тебе нравится больше, Сакута?

— Мне нравятся обе.

— Но у тебя есть предпочтения.

— Мне нравятся обе.

На этот раз он сделал немного больше акцента на «обе».

На ее лице появилась тень улыбки.

— Я бы сказала, что новой мне гораздо веселее разговаривать с тобой.

— Прости, что я был таким занудой.

— Я имею в виду, что остроумные реплики просто не прекращаются.

Как Узуки и говорила, она явно наслаждалась собой. И Сакута вряд ли бы смог поспорить с этим. Он мог так шутить только над ней, из-за чего ему, несомненно, было весело.

— В любом случае разговор с тобой определенно помог мне проветрить голову, — сказала она, потягиваясь.

Ему было трудно поверить, что это многое прояснило.

— Спасибо за то, что составил мне компанию.

Ее тон стал странно серьезным, и она поклонилась.

Когда она выпрямилась, на ее лице была застенчивая улыбка.

Это определенно была самая красивая фальшивая улыбка, которую он когда-либо видел.

— ...

Из-за этого теперь он не мог оставить все как есть.

— Сакута? В чем дело? — спросила она, делая вид, что не понимает.

Они провели вместе весь день, но он все еще ни на шаг не приблизился к сути дела.

Что Узуки искала в «Мисакигути»?

Что она пыталась найти в «Будокане»? Он действительно не был уверен.

Точно ли она искала себя? Он даже этого не знал.

Но Узуки не убегала от реальности. То, что она здесь, доказывало это. Если бы лгала, то это место было бы последним, где она хотела бы оказаться.

Пока он думал, звонок прервал его мысли.

Мобильный телефон Узуки.

Она вытащила его и взглянула на экран.

— Это Нодока.

Она посмотрела ему прямо в глаза и скорчила гримасу. Затем поднесла телефон к уху.

— Алло? — сказала она невероятно жизнерадостно. — Прости, я опаздываю на репетицию, верно?

Очевидно, они все еще готовились к концертам на выходных.

— Сейчас? Эм, я в городе, так что сразу же помчусь в студию.

Нодока, должно быть, спросила, где она. Узуки мудро решила не говорить «Будокан».

— Я приду минут через тридцать! Мм... А? О, да, он тут.

— Держи. — Она протянула ему свой телефон.

— Мм?

— Нодока сказала, чтобы я дала тебе трубку.

— ...

Он молча взял у нее телефон. Он ожидал, что Нодока устроит ему разнос, но все равно хотел с ней поговорить. Из-за того, что сказала Узуки, он решил попросить ее кое о чем.

— Тоёхама? У меня к тебе вопрос.

Сакута решил перехватить инициативу.

— Хм? Это я должна задавать вопросы!

— Ты еще можешь достать билеты на концерт в субботу?

Он проигнорировал ее возмущение.

— Разве ты не идешь на свидание с Май?

Новости распространялись быстро.

— Да, и я думаю, концерт — хорошее место для свидания.

Ему стоило спросить мнение Май, но она, скорее всего, не стала бы возражать.

— Подожди...

Нодока отложила трубку. Он слышал, как она шепчется, вероятно советуясь с кем-то. После двадцатисекундного молчания она сказала:

— Я могу внести двоих в список.

— Хорошо. Тогда сделай это.

— Конечно. Но... С Узуки настолько все плохо?

Ее голос стал очень тихим.

— Я не знаю.

Он не думал, что на сцене что-то случится.

Узуки хорошо скрывала свои чувства, из-за чего он не понимал. Он решил, что стоит пойти на концерт.

— Просто внеси нас.

— Поняла. Пока.

Нодока отключилась.

Он повернулся, чтобы вернуть телефон, и увидел, что Узуки смотрит на луну в ночном небе. Она была не совсем полной, но достаточно близкой к этому.

— Нет там никакого кролика*, — пробормотала она.

[П/Р: Речь о лунном зайце или кролике. Темные пятна на луне напоминают зайца.]

— Возможно, так даже лучше, ведь там нет ни воздуха, ни еды.

Сакута протянул телефон, и она взяла его.

— И что в этом забавного? — усмехнулась Узуки.

<http://tl.rulate.ru/book/20190/3336001>